

Соб. Молодежь. - Рига. - 1990, - 23 марта.

Имантс Калниньш:

«ТАК ЕСТЕСТВЕННО,

ЧТО НЕЛЬЗЯ НЕ ПОНЯТЬ...»

Депутатом Верховного Совета республики по 144-му Ницкому избирательному округу избран народный артист Латвийской ССР, известный композитор **Имантс КАЛНИНЬШ**.

— Имантс, поздравляем вас с победой на выборах. Значительная часть членов нового республиканского парламента — гуманитарии. Не грозит ли это дилетантизмом будущего парламента? Вы, музыкант, ставите в своей предвыборной программе цели чисто экономические, но, извините за бестактность, разбираетесь ли вы в экономике? С другой стороны, конечно, можно вспомнить об успешной государственной деятельности, допустим, великого Гете...

— Да, можно. И Раймонда Паулса. Можем вспомнить актера Рональда Рей-

гана или драматурга Вацлава Гавела... Что сказать — грозит дилетантизм. Но у нас нет выхода, мы не имеем профессиональных парламентариев. Съезд народных депутатов СССР — тоже ведь дилетанты. Даже Верховный Совет, кроме нескольких специалистов, «звезд» — юристов и экономистов. И любой парламента в нашей стране будет сейчас непрофессиональным. Но главная проблема — это политическая реформа. Мы все знаем, что экономику нашу регулировали до сих пор политика, идеология, а не экономические законы.

Нужно так провести политическую реформу, чтобы гарантировать человеку его юридические гражданские права. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ должен стать таким, чтобы все права человека были ему ГАРАНТИРОВАННЫ. Пока это не станет реальностью — и экономические законы не заработают. Для более-менее образованных людей понять это не составляет слишком большого труда. К тому же парламента всегда может образовывать любую комиссию экспертов, которая будет уже детально и профессионально прорабатывать соответствующие проблемы.

Ну а уже пришедший нам на смену новый состав парламента будет растить профессиональных полити-

ков, которые занимались бы именно парламентской работой. Такие появятся, видимо, лет через десять — двадцать.

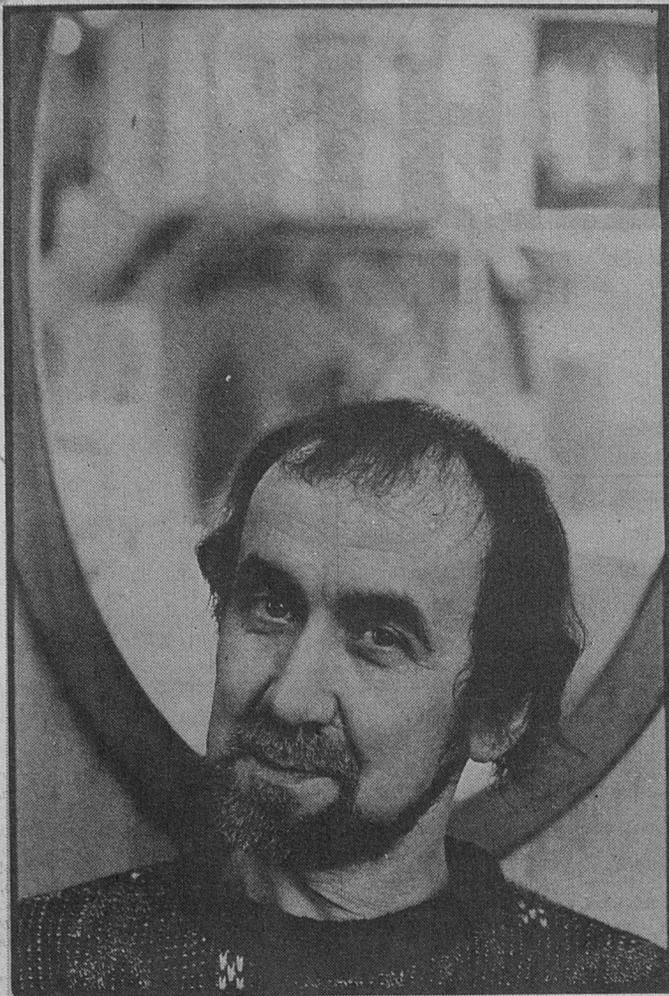
— Сегодня особенно необходимы люди с четким представлением о критериях и ценностях общечеловеческих.

— Да, у гуманитариев как раз более целостное восприятие мира, возможность более широко взглянуть на ту или иную проблему. Решать сложные проблемы, не вкладывая в основу решений принципы высокого гуманизма, — это сегодня, при чрезвычайно высокой раздражительности общества, очень опасно.

— Имантс, но почему же вы, признанный и любимый слушателями композитор, решились баллотироваться в парламента? Ведь работа такая, что будет, наверное, не до музыки?

— Любой творческий работник — и художник, и композитор, и журналист — уже по роду своей профессии — общественный деятель, он непрерывно в диалоге с людьми, с аудиторией. Но политической деятельностью я стал заниматься после плебума творческих союзов 1988

(Окончание на 3-й стр.)

Имантс Калниньш: «ТАК ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО НЕЛЬЗЯ НЕ ПОНЯТЬ...»

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

года, когда впервые в полный голос у нас в республике были высказаны все перестроечные идеи. Появилась возможность открыто говорить обо всем, прозвучала идея создания Народного фронта, чтобы, объединившись, можно было продвигаться вперед. Я участвовал в первом съезде НФЛ, и он немного меня разочаровал. Уже тогда надо было открыто и ясно заявить, что путь Латвии должен стать путем обновления государственности, восстановления независимости и суверенитета. Поскольку это не прозвучало в первой программе НФЛ, конструктивного разговора не получалось, было ощущение двойственности, недосказанности. Я после этого съезда вступил в ДННЛ, которое с самого начала объявляло своей главной задачей восстановление независимой республики. Эта позиция меня привлекала: если уж я живу в обществе и занимаюсь общественной деятельностью, то должен ясно и прямо декларировать свое отношение ко всем делам и проблемам. Но одновременно я остаюсь, как и многие члены ДННЛ, также и членом НФЛ.

— Получается, ДННЛ — своеобразное радикальное крыло Народного фронта?

— Да, вроде такого радикального крыла. НФЛ в конце концов тоже сформулировал свою позицию. И это логично, это так и должно было произойти. Так что работаю в двух организациях, но выдвинут был кандидатом от Народного фронта. Сегодня почти все малые и большие общественные организации и движения республики видят будущее на путях независимой Латвии. В этом смысле произошла консолидация, теперь надо думать о том, как именно мы пойдём к этому будущему.

— И как же? Какова ваша политическая платформа? То есть платформа НФЛ известна, но, наверное, вы по-своему формулируете и объясняете то, что будете отстаивать?

— Наша платформа была выработана вместе со всеми организациями, понявшими, что надо идти парламентским путем, конституционными методами действовать. У каждого кандидата, конечно, есть свои приоритетные направления. Для меня первое и главное — продвинуть вперед процесс достижения государст-

венной независимости республики.

— Какой конкретный смысл вы вкладываете в это понятие? Независимости — для чего?

— Я вижу необходимость механизмов, которые гарантировали бы выживание латвийского народа. Чтобы целая культура, народ не были ассимилированы на пороге третьего тысячелетия нашей эры. И независимое Латвийское государство в современном мире, по-моему, — единственная гарантия этому.

— Вы считаете, что без выхода из Союза это невозможно?

— Теоретически можно и без отделения. Но очень трудно. Демографическая ситуация настолько тревожна, что нужны твердые гарантии. Их может дать только самостоятельное государство.

— Но возможно ли достижение этой главной цели при реальном исходном экономическом положении, в котором окажется независимая Латвия? Такая, какая есть, — и сама по себе. Как ей идти вперед, за счет чего выживать и расцветать?

— Это второй главный пункт моей платформы. Считаю чрезвычайно важным вопросом об аграрной реформе. Сельскохозяйственное производство должно стать очень эффективным, чтобы мы были в состоянии обеспечить себя продовольствием без посторонней помощи. И поскольку в Латвии всегда были традиционными хутор, крестьянская семейная ферма (и мировая практика тоже показывает, что это одна из самых экономически эффективных форм с самой высокой производительностью труда), то надо, чтобы именно они стали у нас главным элементом сельскохозяйственного производства.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы абсолютно необходимые обществу перемены, однако, снова привели к снижению уровня жизни.

— А это в нашей ситуации реально — не допустить?

— Думаю, при разумных партнерах все-таки да. И если нам удастся достаточно быстро развить семейные хозяйства так, чтобы этот сектор составил самое меньшее — половину, а оптимально — две трети по сравнению с долей государственного, колхозного, тогда продовольственная проблема должна у нас отпасть.

В Латвии несколько направлений, которые могут

стать основой процветания общества, развития экономики. Довольно высокий научный потенциал. Есть возможность развития деревообрабатывающей, целлюлозной промышленности — но надо делать фабрики во всех отношениях безвредные. Потом — электроника, электромеханика... Или морское дело. Ведь одно только наше географическое положение — уже капитал. Ресурсы... Много говорится о том двадцатилетии, когда Латвия была независимой республикой. Больших ресурсов у нас не имелось, но мы знаем, что Латвия занимала тогда по многим параметрам первые места в Европе. Здесь люди работать умеют.

И какой народ хочет ассимилироваться, исчезнуть? Чтобы его культура исчезла, фольклор — те духовные богатства, что он накопил за все свое существование. Естественно, я, как художник и как представитель своего народа, считаю своей обязанностью заботиться о том, чтобы их сохранить.

— Для вас, должно быть, важен и вопрос соотношения и сосуществования разных культур в республике. Как вы видите развитие народов Латвии в этом плане? Можно ли разделить все на какие-то отдельные ячейки, и принесет ли такое разделе-

ворить о том, что мы будем делать дальше. Отбрасывая любые речи и действия, причиняющие зло. Надо понять друг друга. Думаю, большая часть нелатвийского населения понимает стремление латвийского народа к своей государственности. Это стремление так естественно, что нельзя не понять. Другое дело, и латышам, и представителям других национальностей, твердо зная, что Латвия будет их домом, сделавшим свой выбор, — всем нам вместе надо говорить об этих проблемах. Думаю, есть два момента, при которых мы должны достичь согласия, без которого не получится ничего и наши бытовые инциденты не кончатся никогда. Первое: независимое Латвийское государство должно гарантировать полную защиту всех своих граждан законом. Независимо от их национальности. Второе: всем приехавшим жить в Латвию необходимо понять, что интересы латвийского народа абсолютно просты и естественны. И остальная часть населения, со своей стороны, должна дать гарантии, что не будет действовать против этих интересов. Поскольку они заключаются лишь в том, чтобы сохраниться как народу. Убежден, что, достигнув здесь согласия, можно решить и все остальные проблемы. Но эта обоюдная гарантия обязательна.

— Действительно, положение драматическое, и главное здесь, наверное, — не потерять рассудок и не требовать от другого человека перестать быть самим собой. Каждый народ должен сохранить свое мироощущение. Тем, видимо, и интересна вообще жизнь, что мы разные? Это не означает, что одно непременно будет подавлять другое, иное, непохожее.

— Разумеется. Вот и языковая проблема. Она ведь тоже, собственно, и не проблема. Что такое реальное двуязычие? Это реальное выражение, реальный способ достижения согласия. С одной стороны, латыши у нас знают русский. С другой — если все остальные знают латвийский — это уже мост. И опять снимается какой-то пласт проблем.

— Но речь-то идет о том, что в республике нет базы для качественного обучения нелатвийскому.

— Заставить людей силой учить язык самостоятельно нельзя, это верно. Но верно и то, что материальной базы у нас нет ни для чего, не только для изучения языка. Хорошо бы организовать совет представителей разных национальностей, чтобы совместно обсудить и решить эти проблемы. Хорошо, провозгласила государственным латвийский язык. Закон — уже начало процесса. Но форсировать его, делать еще какие-то нововведения насильственные — значит создавать ненужное напряжение. Так называемый «простой человек» воспринимает все довольно болезненно. Сроки введения положения о государственном языке тоже непременно надо пересмотреть. И в перечне «категорий» гораздо подробнее расписать необходимый каждой специальности объем знаний.

Главное, чтобы человек чувствовал себя свободным. Надо стремиться к согласию во всем и много работать для этого. Мы постоянно оглядываемся назад, что нам очень мешает. Пора смотреть вперед и делать все для того, чтобы построить свободное общество. Свобода — высший принцип. Каждый человек совершенно свободен, и он должен быть защищен государством.

...Цель, с которой я начал, достижима, но ради ее достижения каждый должен что-то уступить, каждый. И одна сторона, и другая — ради всеобщего блага, общего дома и будущего. Мы здесь, в Латвии, можем построить колоссальное общество. Я надеюсь на это и думаю, так и будет. Ведь нет межнациональных деформаций, например, на уровне религий, на уровне людей интеллигентных.

— В идеале, конечно, все легко и прекрасно, но...

— Потому я и не могу спокойно сидеть дома и писать музыку, что действительность слишком не соответствует идеалу.

Вела интервью
Наталья МОРОЗОВА.
Фото Гунара ЯНАЙТИСА.